

«В названии „Логоса“ заложена идея поиска нового — нового голоса, нового языка, нового слова»

ИГОРЬ ЧУБАРОВ. Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, член редакционной коллегии журнала «Логос», сотрудник Центра современной философии и социальных наук при философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Среди основных интересов — аналитическая антропология, феноменология, критическая теория Франкфуртской школы, медиатеория, философия литературы, наследие Вальтера Беньямина, проблематика насилия, русский авангард, массовая культура. Автор более 100 научных публикаций, в том числе книги «Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда» (М.: ИД НИУ ВШЭ, 2014).

- *Каким было начало 1990-х в профессиональном и интеллектуальном плане лично для вас? Какое место в вашей жизни занимал «Логос» в то время?*

1990-е годы стали переломными для философского факультета, на котором я учился. Преподаватели пытались приспособиться к реалиям новой жизни, нас же, студентов, интересовала исключительно философия, освобожденная из наукомовских казематов. Интерес к ней развивался по двум направлениям: с одной стороны, русская философия Серебряного века, запретная и притягательная, с другой — современная западная философия, скудно представленная на факультете в первые годы нашего обучения. Естественно, эти два направления и заложили основу профессиональных интересов большинства будущих сотрудников «Логоса».

Позднее наши интересы распространились и на смежные области гуманитарного знания. Во многом это происходило благодаря Валере Анашвили, который, будучи москвичом, был более культурно ангажирован и располагал широкими знакомствами среди не только философов, но и целого круга деятелей бурной культуры тех лет. Он хотел напечатать даже скандальные для того времени порнографические рассказы Виктора Ерофеева. В свою очередь, открытие Дмитрия Галковского я могу с гордостью приписать себе. Как яркий писатель, выпускник философского факультета Галковский сыграл для нас важную роль,

выступив автором первого номера «Логоса». Подобные фигуры наряду с переводами Гуссерля и Хайдеггера избавляли нас от немоты и нерешительности. Пусть пока еще за счет чужого языка и текстов они становились частью наших собственных биографий, моделью их выстраивания и видения самих себя. «Логос» был тем инструментом, который позволял публиковать и эти, и первые, еще скромные собственные тексты: комментарии, предисловия, переводы. В свою очередь, это давало возможность соотносить себя с тем, что делали в России старшие маститые коллеги — филологи, историки, литературоведы и даже философские писатели.

Конечно, ключевое место в нашей жизни занимала западная философия — не потому, что западная, а потому, что философия. Нас она интересовала и с профессиональной, и с экзистенциальной точек зрения. Никакой сопоставимой альтернативы феноменологии Гуссерля в то время не было. Нам хотелось воплотить идею школы, а в ее основе не могла лежать сверхсовременная французская философия, но лишь немецкая. Одновременно это была некая мода на нечто неизведанное и недоступное, что выделяло бы нас по языку и способу думать от более консервативно мыслящих однокурсников и тем более преподавателей, принадлежавших предыдущему поколению. Мы развивались параллельно с ними, но быстрее, обгоняя очень многих.

В журнальном плане — такой сравнительно новой и неожиданной формы для постсоветского времени — «Логос» был безусловным прорывом. Идея журнала витала в воздухе и не могла не быть подхвачена новым поколением. Перестройка закончилась, начался развал СССР, что открывало для нас революционные возможности. Многие их почувствовали, но далеко не все сумели реализовать. Мои интересы располагались в те годы в русле изучения русской теоретической философии, Валере Анашвили был ближе Франц Brentano, феноменология и аналитическая традиция в лице Людвиг Витгенштейна. Объединила нас идея философии политически и религиозно неангажированной, философии как строгой науки или вообще теоретической философии — идеала, вполне доступного третьекурсникам философского. Начинался этап профессионализации, удачно совпавший с открытием упомянутых возможностей. Стали доступными книги, зарубежные поездки, стало возможным существование независимого философского издания. В отличие от советской эпохи, когда вопросы публикации решались на уровне различных партийных и контролирующих органов, это была оглушительная свобода.

Если для нас «Логос» был первым шагом в профессии, то и для старших коллег, уже ставших к тому времени преподавателями, доцентами, профессорами, кандидатами и докторами, он стал большим прорывом. Поэтому лучшие из тех, кто работал на философском факультете МГУ, в РГГУ и еще нескольких философских центрах Москвы, немедленно и живо откликнулись на предложение сотрудничества. Возникновение нового журнала никого не оставило в стороне и было воспринято как знак нового, необычайного времени.

Что касается политики, то мы были, скорее, аполитичны. Когда выступали старцы из ГКЧП, пытавшиеся сохранить советскую власть, нас волновало лишь то, что «Логос», вероятно, придется перерегистрировать или вообще создавать заново. Журнал был еще совсем юным, и такая перспектива нас ужасно бесила: нам было все равно, что станет с СССР, нам было важно продолжать свой проект. А когда происходили события вокруг Белого дома, когда его пытались захватить и отстоять, мы негодовали из-за отмены ретроспективы фильмов Пьера Паоло Пазолини в расположенном неподалеку Музее кино. Сегодня смысл этих анекдотов становится понятнее — это была защитная реакция по отношению к внешним для философии событиям, которые сейчас уже можно осмыслять. Траектория нашего становления как профессиональных философов, как издателей журналов и книг соответствовала изменениям в социально-политической сфере тех лет и имела с ними структурные и даже содержательные соответствия, на которых я сейчас не буду останавливаться: все, кто этим занимался, понимают, о чем речь.

- *Как складывалась редакция «Логоса»? Каким был ее состав в самом начале?*

Случайных людей среди нас не было. Кто занимался философией тогда, остался в этом поле и сегодня. Кто поступил на философский в конце 1980-х и к 1991 году учился на 3–4-м курсе, именно благодаря воодушевлению и широким возможностям того яркого времени остался в современной философии. Круг создателей и авторов «Логоса» особенно выделяется на этом фоне, все они продолжают реализовывать свои таланты в разных областях — в политической публицистике, литературной критике, искусстве. Не скажу, что они всем обязаны «Логосу», скорее, журнал создавал ситуацию продуктивного диалога между потенциально интересными философами, писателями и т. д.

- *На какого читателя «Логос» был ориентирован? И менялся ли образ целевой аудитории со временем?*

Об абстрактном читателе мы не думали. Нам были интересны собственные тексты и тексты ближайших коллег, служившие подспорьем для нашей работы. Изначально «Логос» ориентировался на некую заинтересованную аудиторию, которая могла бы нас обсуждать, спорить с нами, поддерживать или подсказывать новые направления. Это были и наши собственные авторы, и просто симпатизирующие нам, интересующиеся философией люди.

Не скрою, мне было приятно получить положительный отклик на свою первую публикацию от человека из «толстого» журнала — Александра Чудакова — и других старших коллег. Одобрил нашу затею Мераб Мамардашвили. Я успел встретиться с ним буквально за месяц до его смерти, и он очень живо откликнулся на предложение опубликоваться в «Логосе». Интересной была реакция Владимира Библихина: «Зачем я вам вообще нужен? Вы сейчас сами уверенно набираете ход, и ничто не способно повредить этой масштабной затее. Даже если вы споткнетесь о какой-то камешек, подниметесь без посторонней помощи и пойдете дальше». Кстати, мы записали с Библихиным беседу о Хайдеггере, опубликованную в одном из первых номеров журнала.

То есть ориентировались мы не на безличные массы, но на тех всегда немногочисленных читателей, которые способны освоить, к примеру, довольно сложный феноменологический текст, на тех, кому такие тексты были нужны и кто был способен оценить наши усилия по их продвижению.

- *Чем объяснить высокую востребованность «Логоса»? Журнал ведь начинал с тиража 5 тысяч экземпляров.*

Востребованным журнал делало время. На рубеже 1990-х все мы работали в издательстве «Гнозис». Там мы печатали Хайдеггера тиражом 10 тысяч экземпляров, который лет 10 потом продавался. О коммерческой стороне можно было не думать — важно, чтобы у тех немногих, кто хотел читать эти книги и тексты, был шанс их прочесть и понять. К счастью, сумевших воспользоваться этим шансом на интеллектуальное, профессиональное и просто человеческое развитие было немало. Все помнили советский информационный голод и ценили возможности новой эпохи. Читателя еще можно было удивить новыми именами. Этим и был предопределен первоначальный успех журнала, но не только этим.

Мы ориентировались не на абы какую философию, но на наиболее востребованные и «модные» ее течения, на авторов, способных писать ярко, талантливо, компетентно. Эта профессионализация, разумеется, сыграла свою роль. Редакция оттачивала вкус, выбирая, с кем и о чем говорить, что предпочитать, кого печатать. Сегодня этот вкус усложнился и расширился, но в какой-то мере сохранился. Мы продолжаем интересоваться и феноменологией, и тем этапом развития аналитической традиции, который связан с кругом Витгенштейна. Эта первая любовь со временем лишь окрепла.

Важно и то, что журнал не был ангажированным, кружковым. У нас была своя орбита, но мы в ней не замыкались, оставаясь открытыми для людей, которые могли привнести в издание что-то новое. На протяжении 1990-х журнал менялся несколько раз. Появлялись новые лица, имена, но интерес со стороны разных людей, в том числе близких к власти, к финансовым возможностям и их поддержка были обусловлены неизменно высоким уровнем журнала. Я и сегодня нахожу, что прочесть в старых номерах «Логоса», к чему вернуться в профессиональном плане или из чистого любопытства. Множество разнообразных тем — не только узко профессиональных, но и связанных с освоением, осмыслением нефилософских зон. Множество авторов, ставших известными спустя какое-то время в смежных областях. Это вызывало самый живой интерес к проекту.

• *Как менялся «Логос» в течение 1990-х годов?*

Довольно долго редакция была едина в определении политики, направления развития журнала. В основном мы ориентировались на феноменологию и лишь изредка обращались к сюжетам, связанным с общекультурной или литературной проблематикой. Я имею в виду, например, интерес к Хармсу, к обэриутам, которым мы посвятили целый номер. Были различные философские сюжеты более, как нам казалось, прикладного и легкомысленно-го плана.

Где-то к концу 1990-х определенный ригоризм редакционной политики привел к тому, что сотрудники журнала разошлись во взглядах, и мы с Олегом Никифоровым попытались создать параллельный «Логос». Наши разногласия с Валерой Анашвили носили в том числе теоретический характер, что особенно важно. Олег и я хотели сохранить направление строго философского журнала, без обращения к массовой культуре, литературе и т. д.,

которые казались нам профанацией. Сейчас я понимаю, что это было ошибкой. Мы просто недостаточно хорошо понимали, что идеи вызревают в самой социальной действительности, в культуре, в повседневном общении людей, то есть в более широком контексте, чем закрытые академические сообщества, порождающие в отрыве от политических сюжетов или современных художественных опытов порой интенсивную, но довольно безжизненную рефлексию. Журнал не может не реагировать на то, что происходит вокруг, и Анашвили выбрал в этом смысле единственно правильную тактику. Его способность пробуждать в людях интерес ко всему новому, сохраняя при этом верность общефилософской стратегии, позволила журналу выжить в сложные времена.

Нам с Никифоровым удалось выпустить, кажется, лишь пять номеров, но зато лично для меня это был интересный и важный опыт самостоятельной подготовки журнала. По возвращении в «большой» «Логос» этот опыт позволил мне привнести что-то новое в формат журнала, который продолжает постоянно меняться. Сегодня меня больше занимают сюжеты, связанные с современной постструктуралистской философией, прежде всего французской, но также и немецкая критическая мысль, Франкфуртская школа, такие имена, как Беньямин, Адорно и т. д. Они подпитывают мой интерес к философии и к публикации собственных текстов в русле этой мысли.

«Логос» с самого начала привлекал амбициозных, желавших печататься молодых авторов, наиболее чувствительных к современности. Мы всегда исходили из идеи, что философия, литература и искусство не умирают, переживая процесс постоянного перерождения или переопределения, но иногда остаются неузнанными массами, коллективным сознанием. Узкие специалисты не регистрируют новые явления культуры, для этого им требуется время. «Логос» сохраняет интерес и чувствительность к новому как раз благодаря своим противоречиям, разрывам и пересборкам, за счет постоянного обновления и привлечения новых неожиданных авторов. В конце 1990-х интерес к современной западной философии перестал восприниматься как случайный — сначала на острие внимания находилась французская философия, сейчас — итальянская. Для «Логоса» это всегда был принципиальный момент — сохранять чуткость к новому, издавать оригинальные, визионерские тексты и постепенно создавать свои, привлекать как можно больше авторов, способных сопрягать развитие отечественной философии со странами более-менее непрерывной культурной традиции.

- *Как вы относитесь к монотематическим номерам? Актуален ли по-прежнему этот принцип комплектования журнала?*

Я считаю, что тематические номера выполнили свою роль. Такой подход был оправдан и жизнеспособен, когда было еще много неосвоенных, почти неотрефлексированных философских тем, а их поле было обозримым. Сейчас многообразие тем достигло того уровня, когда возможность их философского осмысления не может быть присвоена одним журналом или вообще специальными философскими журналами. Даже в глянце сегодня публикуются неплохие статьи. «Логос» реагирует на это переходом от моно- к политематичности, когда номер формируется из нескольких блоков с четырьмя-пятью объединенными общим предметом статьями и отдельно вынесенными оригинальными текстами философских «звезд». Дополнением им служат актуальные исследования наших и зарубежных авторов в области философии и гуманитаристики: архивные, неизвестные материалы, переводы классики, не дошедшие еще до широкого российского читателя, до студентов и т. д. Четвертый раздел — критический и рецензионный. Так что тематическое членение сохраняется, но в преобразованном виде.

- *Какие интеллектуальные журналы вы могли бы сравнить с «Логосом»?*

Пожалуй, я выделил бы «Новое литературное обозрение», состоявшееся не только благодаря возможностям его главного редактора, но и как результат усилий целого сообщества филологов и гуманитариев. 1990-е годы показали, что журнал не рождается из одних только денег. Тогда ими располагали многие. Это были огромные бюджеты непонятного происхождения: ворованные, партийные и т. д. Но тех, кто действительно способен вложить их в абстрактную культуру, всегда было мало. Пригласить в Москву Лучано Паваротти или организовать выставку Сальвадора Дали много ума не надо. А вот создать действующий интеллектуальный орган, новый независимый институт — на это никогда никаких денег не хватает. Инвестиции в культуру и образование могут быть небольшими, но очень адресными и постоянными. Это залог успеха. Кроме того, идею проекта нужно воспроизводить и укреплять, чтобы она всякий раз доказывала свою действенность в новых исторических условиях. Ирине Прохоровой с «НЛО» это удалось, равно как и «Логосу».

Я сознательно не выделяю журналы, которые издаются академией, но лишь те, что существуют независимо. И считаю главным достижением Валеры Анашвили, что, несмотря на изменяющуюся политическую и бизнес-конъюнктуру, он сохранил веру и верность идее философского журнала, пусть до конца не эксплицированную, и поддерживал его марку. В чем состоит эта идея, можно фантазировать. Как один из родоначальников проекта, замечу, что его идея не сводится к какому-то единственному слову или замыслу, но всегда была сложной, гетерогенной, открытой структурой, задававшей условия для порождения новых научных интересов и направлений исследований. Благодаря этому журнал и выжил из множества других, рожденных в 1990-е годы.

Следует также упомянуть минский проект «Топос», близкий к нашему по исходному замыслу, вектору развития, по кругу участников и читателей. Даже название созвучно с нашим. Ребята, кто там печатается, мы прекрасно знаем — это все наши коллеги. Редакция этого журнала вполне самодостаточна, что вызывает у нас симпатию, и, кстати, взаимную.

- *Кстати, почему журнал назвали «Логосом»? Отсылка к дореволюционному «Логосу» была сознательной?*

Для нас это слово выражало как раз ту гетерогенность, о которой я уже говорил: совмещение разных стихий, направлений, людей. Связь с дореволюционным «Логосом» была для нас очень важной, потому что тот «Логос» создавали молодые феноменологи, неокантианцы, поучившиеся в Германии, интересовавшиеся всем новым и искавшие какие-то зоны личной автономии в «лапотной» царской России. Мы чувствовали сродство с ними не только на уровне текстов. Нам импонировала их ориентация на Запад, их переводческие проекты, их связь с современными западными философами. Параллели напрашивались, поэтому уже во втором номере мы опубликовали полную библиографию того «Логоса», изучали его и в целом старались соответствовать взятой нашими предшественниками планке.

Мы остаемся в России, и с русскими философами начала прошлого века нас связывает единство как судьбы и надежд, так и ограничений, налагаемых нашей культурой, конфигурацией власти и господствующего знания. Нас объединяет желание двигаться к тому, чего у нас нет. Такая преемственность мотивирует независимо от возраста, позволяет не закостенеть в рамках одной избранной линии, но всегда искать новое: языки, возможности,

имена, людей. Мне кажется, именно эта идея заложена в нашем названии — идея поиска нового голоса, нового языка, нового слова.

- *Можно ли сегодня создать успешный и долгоиграющий студенческий проект в области философии, подобный «Логосу»?*

Мы с Валерой Анашвили пытались поддерживать молодых людей, студентов четвертого и пятого курсов разных выпусков, создававших собственные проекты. Был журнал «Культиватор». На философском факультете МГУ выходил «Филин». У ребят действительно есть потребность делать что-то самим, а не просто публиковать свои тексты в «Логосе». Может, потому, что они сомневаются в своих силах или, наоборот, верят, что сделают что-то вместе и увидят результат, тогда как в другом, уже состоявшемся проекте их голос может утонуть или попасть в невыгодный контекст. Я считаю эту потребность очень правильной и достойной поддержки. Модель такого журнала, как «Логос», может быть использована на уровне описанных мною аналогичных стратегий. Но можно придумать и что-то совершенно новое и неожиданное. Я уже говорил про множественность возможностей, порождаемых каждой эпохой, каждым мгновением. Те, кто понимают это, чего-то достигают.

Вместе с тем могу сказать, что не собираюсь всю жизнь работать в «Логосе», становиться мудрым старичком, задающим какие-то тенденции, направления, школы и т. п. Люди постепенно партикуляризуются, уходят в область личных проектов, ограничиваются небольшим кругом тех, кому доверяют. Я думаю, что-то подобное ждет многих наших коллег. Из этого следует одно простое следствие: «Логос» как модель, как журнал и как возможность заниматься философией в нашей не очень благоприятной для этого ситуации может и должен быть кем-то унаследован. Поэтому мы рассчитываем на появление новых лиц, которые позволят «Логосу» существовать и через 20–30 лет. Не обязательно в нынешнем виде, но как имени и модели. Мы будем оказывать поддержку людям, способным к такой работе: коллективной, живой, требующей отчуждения своего личного времени. Сами же лет через тридцать будем писать, вероятно, мудрые напутственные статьи и мемуары.

- *Повлиял ли, на ваш взгляд, «Логос» на развитие философии в России?*

Я думаю, повлиял в той мере, в какой представлял собой способ выживания для небесталанных людей своего времени: авторов, ре-

дакторов этого журнала, того круга лиц, которые продолжают и сегодня заниматься профессиональной философией в нашей стране. Он, безусловно, повлиял на их личные судьбы, биографии, дав возможность публиковаться и получать отклик от коллег и читателей. Ведь важно иметь возможность не просто печататься — этим заняты тысячи дилетантов в тысячах дилетантских изданий, — но делать это в журнале для тех людей, чье признание тебя интересует и где оно может состояться в какой-то приемлемой форме. Признание — это все. Оно придает языку, письму осмысленность, а это непременное требование к философским текстам. «Логос» в этом плане стал одним из первых удачных опытов восстановления разрушенного после падения СССР института признания в отечественной философии. В этом влияние журнала на нашу дисциплину трудно переоценить.

Еще один аспект: лишь немногие имеют доступ к подшивкам старых номеров журнала. Благодаря новым медиа, сайту журнала прошлые выпуски «Логоса» приобретают не только мемуарно-архивную, но и актуальную научную ценность. Многие из этих текстов еще не прочитаны, многие еще будут открыты и обсуждены. Студенты могут использовать их в учебе и научной подготовке. Неслучайно философский факультет МГУ рассматривает «Логос» как свою виртуальную кафедру, о чем на 15-летию журнала говорил декан факультета Владимир Миронов. Но «Логос» — больше, чем просто источник импульсов для нашей дисциплины. Это еще и проект времени. Экзистенциальный проект, очень важный в жизненном плане для его авторов и редакторов разных лет.